

Осип Эмильевич Мандельштам (1891-1938)

*"Образ твой, мучительный и
зыбкий..."*

*Образ твой, мучительный и
зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!»- сказал я по
ошибке,
Сам того не думая сказать.*

*Божье имя, как большая
птица,
Вылетало из моей груди.
Впереди густой туман
клубится,
И пустая клетка позади.*

*"Мой тихий сон, мой сон
ежесекундный..."*

*Мой тихий сон, мой сон ежесекундный —
Невидимый, замороженный лес,
Где носится какой-то шорох смутный,
Как дивный шелест шелковых завес.*

*В безумных встречах и туманных спорах,
На перекрестке удивленных глаз
Невидимый и непонятный шорох,
Под пеплом вспыхнул и уже погас.*

*И как туманом одевает лица,
И слово замирает на устах,
И кажется — испуганная птица
Метнулась в вечеряющих кустах.*

**«Мы живем, под собою не чуя
страны...»**

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в
глаз.

Что ни казнь у него - то малина
И широкая грудь осетина.

«В Петербурге мы сойдемся снова»

*В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем. В черном бархате
советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен родные очи,
Все цветут бессмертные цветы. Дикой
кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит. Мне не надо
пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.*

«Tristia» (Я изучил науку расставанья)

*Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских;
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели в даль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.*

*Кто может знать при слове расставанье —
Какая нам разлука предстоит?
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сенях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?*

*И я люблю обыкновенье пряжи:
Снует челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.*

*Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женицин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано, гадая, умереть.*

1918 г.

«Нежнее нежного»

*Нежнее нежного
Лицо твоё,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твоё —
От неизбежного.*

*От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.*

1909 г.

